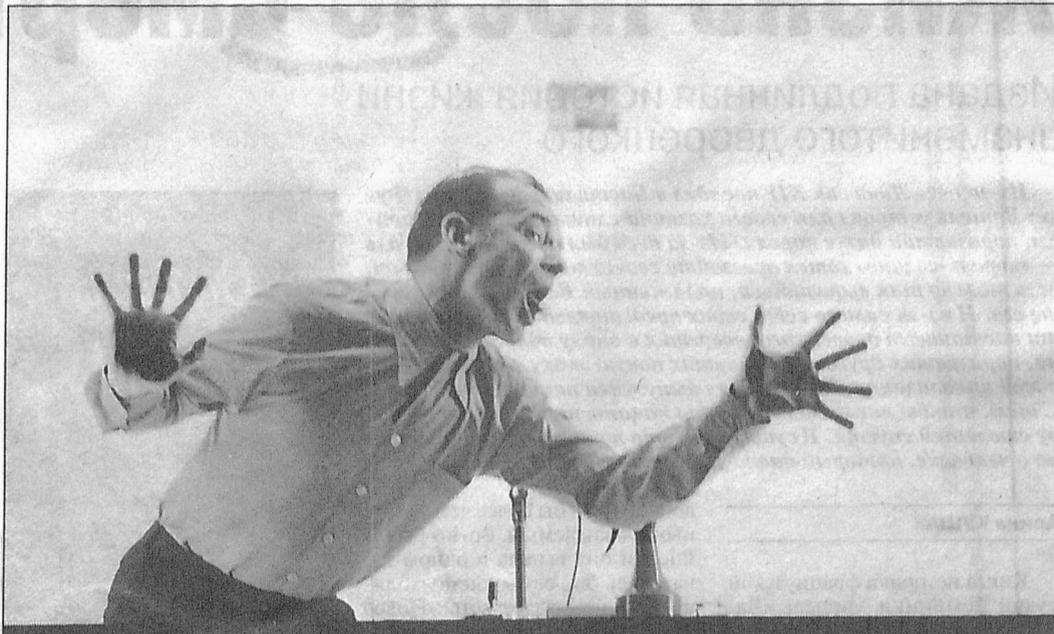

Разговоры с Гитлером

Существующие исключительно в воображении театра «Берлинер ансамбль»

Спектакль «Арто и Гитлер в романском кафе» привез в Москву знаменитый «Берлинер ансамбль»: режиссура Пауля Пампера, пьеса Тома Пойкерта, в главной роли Мартин Вуттке, памятный москвичам по «Карьере Артуро Уи» Хайнера Мюллера. Необходимо внести некоторые разъяснения. Далеко не все слышаны об Арто — сюрреалисте, экспериментировавшем с мистическими учениями и архаическими ритуалами, создателе идеи «театра жестокости» — шокового сценического действия, выводящего восприятие зрителя за пределы реальности. В 1948 году он скончался в сумасшедшем доме, на три года пережив Гитлера, которого никому представлять не надо.

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

На сцене Арто-Гитлер кричит, кривляется, гоняет чертей. Словом — безумствует

Алексей ФИЛИППОВ

Зал Центра имени Мейерхольда: кирпичные стены, потолок с падугами и большой ящик-аквариум. Его прозрачная, застекленная сторона затянута бумагой. На бумаге — текст, обращение Арто к Гитлеру. Когда начнется спектакль, Вуттке раздерет бумажный лист, и зрители увидят хрупкого, темноволосого человечка с бледным, подвижным лицом.

Это зрелище не из легких — мы станем свидетелями бреда безумца. Арто заперт в сумасшедшем доме, его наглухо закрытая клетушка бела, стерильно чиста, вполне комфортна — вот только выхода из нее нет. Но для поэта (тем более — сумасшедшего) нет преград: Арто сидит в своей палате и в то же время шагает по раскаленному от

летнего солнца Берлину, встречается с великим сюрреалистом Гитлером и ведет с ним переговоры о сотрудничестве.

Текст хорош: в нем идет речь и о мерзкой Арто парижской богеме, и о муках его авторского самолюбия, и о природе фашизма — но Вуттке общается с залом поверх слов пьесы. Трудно разобрать смысл за рычанием, виз-

гом и воем: судороги, перекашивающие лицо Вуттке-Арто, его постоянные падения (навзничь, с грохотом, всем телом оземь) задают действию свой темп, и здесь уже не до содержания монологов. Человек бьется в физических и интеллектуальных конвульсиях, распадаясь на глазах у зрителей: окончательно обезумев, он перевоплощается в вооб-

ражаемого Гитлера. И тут можно было бы поговорить о том, что авангардные и тоталитарные идеи имеют свойство сходиться — недаром они строятся на насилии... Но это имеет лишь формальное отношение к тому, что делает Вуттке.

Он кричит, кривляется, гоняет чертей, брызгая во все стороны из пульверизатора. Он тяжело дышит в микрофон, и зал прислушивается к глухим акустическим ударам (кажется, что так бьется сердце персонажа). Перед нами блестящий образец точно расчисленного и почти невыносимого по силе воздействия физиологического театра. Но перед тем как Вуттке ставит точку в спектакле, наступает разрядка.

Его герой ловко взбирается наверх, к оконному карнизу, нащупывает щелку, открывает стекло и вылезает наружу, на крышу своей камеры. Все вокруг покрывается разноцветными бликами звезд, под потолком появляется серебряный шарик (наверное, это луна) — и герой начинает петь. Припадок прошел (а может быть, за Арто пришла смерть): причина не важна, главное то, что персонаж Вуттке достиг просветления.

Это совершенно иная, непривычная для отечественного зрителя актерская школа. Жесткая, определенная.